

Надежда
Сакаева

ЦВЕТ КРЫЛЬЕВ

Серый

Смерть не может быть виновата,
ведь это всего лишь смерть...

16+

Надежда Сергеевна Сакаева Цвет крыльев. Серый

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63507328

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-99466-9

Аннотация

Третья часть в серии «Цвет крыльев». Апокалипсис остановлен, а Люцифер вновь скрылся из виду – значит, это конец? Неужели Анжела теперь сможет быть счастлива с Дэймоном? Вот только, какой ценой далось это счастье – ее отец мертв, а лучший друг Кристиан теперь стал падшим. А самое страшное – Самаэль, первый ангел Смерти, самый могущественный на земле, вернул себе чувства. Чем это может обернуться? И опасен ли Аз – смешливый бывший ангел, тюрьму которого отворил едва не свершившийся Конец Света? Что он забыл в Сэнт Хиллз и остался ли таким, каким его помнит Дэймон?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	43
Глава 5	59
Глава 6	75
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Надежда Сакаева

Цвет крыльев. Серый

Глава 1

Самаэль стоял, не замечая вокруг ничего, кроме цветка розы, который он вертел в своих ладонях. Его некогда идеальная прическа растрепалась, классические кожаные туфли утратили свой зеркальный блеск, а манжета белоснежной рубашки помялась и запачкалась.

Впрочем, и эти мелкие, но столь естественные для обычных людей недостатки, он сейчас не замечал, потому что впервые за долгий срок мог делать такую простую вещь, как чувствовать. А срок был не просто долгий, но почти бесконечный.

Самаэль существовал с самого начала времен.

Не сотню и даже не тысячу лет, а гораздо-гораздо дольше. Дольше, чем вообще может представить человеческая фантазия, и не сойти при этом с ума.

А он не только существовал все это время, но и помнил его.

Помнил сотворение мира и первых людей, помнил рассветы и закаты великих цивилизаций, помнил, как создавались

и рушились империи. Он помнил каждую минуту своего существования. Не жизни – живут только люди, у которых есть свобода выбора. Ангелы существуют.

Ангелы не рождаются. Они не растут и не учатся, постигая новое и совершая ошибки. Они не набивают шишки, их не терзают сомнения, или тревоги. Они приходят в этот мир идеально-цельными, со знанием о его устройстве, и о том, как должно быть. Они не стареют и не умирают. Им не нужна вера, потому что они сами и есть часть этой веры. Они неизменны, и они существуют, лишённые возможности решать за себя самостоятельно.

А уж ангелы Смерти... Не имея никаких чувств это даже меньше, чем существование.

Впрочем, Самаэлю повезло чуть больше прочих – он ведь был первым, а Первый в мире ангелов всегда значит особенный.

Хотя, «повезло» – не совсем верное слово. Обычно ангелы сами лишают себя белизны крыльев, в попытках забыть боль любви к людям. Самаэль не имел даже этого скудного выбора – его назначили.

Первый ангел, способный забирать людские жизни – Самаэль был горд оказанным ему доверием. И полученными возможностями.

Смерть беспощадна и не ведаёт различий между людьми, и потому, вместе с возможностью забирать жизни, он получил и недоступные прежде чувства. Только вот длилось это

совсем недолго – он не успел ни толком ощутить новые эмоции, ни рассказать кому-то о них.

Самаэль слишком стремился оправдать оказанное ему доверие, и втроем они совершили невероятную глупость, решив устроить соревнования.

У Зедекии и Аластэйра не было шансов на победу – это Самаэль знал так же точно, как и то, что самому ему победить было вполне по силам. И оказался прав – один из этих новых (странных, но отчего-то наделенных высшими благами) существ, лишил жизни другого.

Только вот цена выигрыша была слишком велика. Вместо того, чтобы похвалить за идеально исполненные обязанности, Самаэля лишили эмоций. Своей победой он обрек всех прочих ангелов Смерти на пустоту.

И хотя он продолжал помнить о том, что прежде испытывал чувства, помнить о том, каково это, но все воспоминания его теперь были... пустыми. Чистыми, словно белый лист бумаги. Он помнил об этом с позиции холодного разума и острого, как нож, расчета. Ведь помнить и чувствовать – это совершенно разные вещи.

Самаэль не смог бы ответить, хорошо это, или плохо. И не мог бы сказать, как было лучше, потому что оценки слишком субъективны и основываются лишь на собственном впечатлении. Когда же впечатлений нет – ты просто не думаешь об этом. Ты вообще ни о чем не задумываешься, лишь слепо следуя воли Создателя и исполняя предначертанное.

Зато едва Кристиан вернул ему утраченное...

Молодой ангел (по сравнению с самим Самаэлем, конечно), он и не догадывался о том, что делает, и к каким последствиям это может привести в итоге. Хотя, что в этом такого, вернуть чувства?

Ведь они есть у всех.

Что такого вернуть чувства одному из самых могучих существ в мире, который целую вечность привык обходиться без них?

Ангелы помнят все. Ангелы Смерти помнят немного больше.

Они помнят каждую душу, которую забрали и помнят ее жизнь, что отпечатком лежит на их крыльях. Они помнят, но не вспоминают. Им нет дела до справедливости, или несправедливости решений. Они холодны и отрешены. Они лишь исполняют то, что им должно.

Однако получив чувства обратно, Самаэль не просто вновь начал испытывать эмоции, оставив прошлое в прошлом.

Нет. Едва Крис вернул ему утраченное, как каждое мгновение предыдущего существования окрасилось первородными чувствами, что разом обрушились на него.

Все знания, прежде мертвые и серые, как его крылья, теперь обрели жизнь.

Все воспоминания – о себе, о своих поступках, об ангелах и о забранных душах – перестали быть пустой констатацией

случившихся фактов, наполнившись радостью, сожалением, скорбью и счастьем.

Обретенные чувства отличались от тех, что помнил Самаэль. Помимо любви к Создателю появилась любовь к людям, и сотни новых оттенков, которых ангел не знал прежде.

Это было ошеломляюще.

То, что сделал с ним Кристиан, не поддавалось ни сравнению, ни описанию. Будто после долгого времени, проведенного в абсолютной тишине, кто-то вдруг на максимум включил громкость и Самаэль услышал все звуки мира разом.

Красота. Счастье. Печаль. Тоска. Радость. Теперь эти слова не были просто набором ничего не значащих букв. Теперь они имели смысл.

Сначала его потрясла одна простая картина.

Цветок.

Роза, каких Самаэль повидал тысячи на своем веку. Он всегда проходил мимо, ибо это растение не приносило ему никакой пользы. Он даже не замечал их (как и прочие бесполезные вещи).

Но сейчас...

Сейчас этот обычный цветок раскрылся перед ним в новом свете.

Как же, оказывается, приятно пах бутон. Как нежны были его лепестки. Как глубок цвет, словно брызги крови. Как красива была эта роза.

И как все это чувствовал Самаэль.

Чувствовал.

Простой цветок вызвал целую бурю эмоций, так что же говорить про все остальное?

Дэймон и Анжела поспешили уйти. Крис последовал их примеру, а Самаэль даже не заметил этого. Он все так же разглядывал цветок, стараясь уловить и навсегда запомнить каждый мельчайший оттенок вызванных им чувств. Будто опасаясь, что это скоро закончится, он жадно впитывал в себя новые впечатления.

Ангелы – рабы эмоций, – так говорил Люцифер. И первый ангел Смерти, столь внезапно вернувший свои чувства, не стал исключением.

Человек не подозревает, сколь многое ему даровано – свобода. Свобода выбора, свобода творить свою судьбу, свобода чувствовать без ограничений, и свобода не зависеть от своих чувств настолько, насколько зависят ангелы.

Самаэль сжал розу в кулаке, глядя, как на землю пеплом осыпаются прежде алые лепестки, а после зашагал прочь. Остаться здесь дольше было бы слишком неосмотрительно.

Получив чувства, ангел не лишился разума. Скоро это место наполнится людьми, привлеченными погромом, а значит, расспросов не избежать. Самаэль был еще не готов общаться с кем бы то ни было, и уж тем более с теми, чьи души он забирал столько тысячелетий подряд.

Впервые у Самаэля не было конкретной цели. Он просто

шел туда, куда несли его ноги и совершенно не знал конечный пункт.

Почему он до сих пор не вернулся на небеса?

Что ему делать здесь, на земле?

Самаэль задумчиво взлохматил волосы. Возвращаться наверх не хотелось, хотя здесь все было странным.

Не хотелось – иметь желания тоже было странно, бродить без дела было странно, и даже лохматить волосы было странно. Ненужный жест, не имевший никакой пользы, используемый лишь для выражения растерянности.

Самаэль шел и постепенно буря внутри него стихала.

Он не был падшим с их клокочущей тьмой, каждый миг грозившей затопить сознание навсегда, отрезав даже крупинцы света. Да и не смог бы стать таким при всем желании: серые крылья – это билет в один неизменный конец.

Но он был Первым. Особенным.

И особенность его заключалась вовсе не в практически безграничной силе – любой бы смог достичь подобного, забрав столько же душ. И не в наличие чувств – все ангелы Смерти прежде были белокрылы и умели любить, радоваться и светло грустить.

Его особенность заключалась в спектре этих чувств. Он мог ощущать немного больше, чем простой Хранитель – ему были доступны и ярость, и гнев, и тоска, и прочие негативные эмоции. Не в том объеме, в каком были доступны падшим, или Люциферу – тот и будучи ангелом имел больше

любого падшего.

Зато это не была и клокочущая река мрака, которая (рано, или поздно) поглощала любого, решившего покинуть небеса. Нет, в отличие от падших, Самаэль имел власть над своими чувствами настолько, насколько вообще может иметь ангел.

Чувства.

Странная вещь для созданий света, и столь естественная для людей.

Оказавшись достаточно далеко от места недавней потасовки двух Всадников, Самаэль опустился на землю, откинувшись назад. И без того жухлая трава съежилась под его ладонями, рассыпавшись прахом, но ангел Смерти даже не заметил этого.

Сейчас он был далек от покоя, как никогда прежде. И как никогда прежде нуждался в нем. Это оказалось слишком сложно – принять весь внезапно обрушившийся на него ураган.

По порядку. Разложить все по полочкам – только так он успокоится, уняв невыносимую тоску.

Тоску? Откуда она взялась?

Сейчас, несмотря на безупречную память, все обретенные чувства были словно туго свернутый клубок, который начинался с попыток показать свою любовь к Создателю, обогнав Зедекию и Аластэйра, и заканчивался здесь, ошеломляющим восторгом от красоты самой обыкновенной розы.

Все, что случилось между этими событиями, представляло сущую путаницу – вихрь всех доступных ему эмоций, сцепившихся между собой так крепко, что казалось невозможным понять, где начинается одно и заканчивается другое.

Поэтому Самаэль стал вспоминать.

С самого начала.

Когда он выиграл – радость победы была недолгой. Практически сразу его лишили чувств.

И если бы они были, то он бы испытал сожаление и раскаяние.

Потому что именно тогда ангелы научились любить людей. И Самаэль тоже умел бы это, если бы сохранил эмоции. Очень странно не знать о том, что ты, оказывается, тысячи лет был бесчувственным, при этом умея любить людей.

Самаэль расправил свои огромные крылья.

Каждое перо – отпечаток чужой жизни, которую он забрал – серое, похожее на легкую дымку, дающее скорость обгонять жизнь и силу даровать смерть. Чем больше перьев – тем сильнее ангел, и Самаэль был самым сильным из всех когда-либо существовавших.

Наверно, он бы смог убить даже другого ангела.

Наверно... Самаэль не пытался сделать ничего подобного, и удивился, когда эта мысль вместе с остальными пришла к нему в голову.

Кому понадобилось бы убивать ангела?

Разве что Люцифера, который организовал Апокалип-

сис, а поняв, что его постигла неудача, столь скоропостижно смылся.

Но по порядку. Он же решил вспоминать все по порядку.

Самаэль коснулся пальцем одного пера, и оно раскрылось, показав чужую жизнь.

Мужчина из диких далеких времен, умерший на охоте.

Самаэль отнес его душу в ад, но жалости при этом не испытывал – этот человек, живший на заре времен, один из потомков Каина, насиловал женщин и убивал мужчин. Он совершенно точно заслужил свою судьбу.

А кто не заслужил?

Самаэль никогда не думал о справедливости небес – он просто исполнял ему порученное. Поэтому он и не понимал мотивов Дэймона прежде. Да и как тут понять, когда руководишься лишь логикой и разумом?

Самаэль коснулся другого пера, и еще одна история чужой жизни развернулась перед ним.

Одно за другим, он перебирал свои перья, вспоминая картины прошлого, свое место в них, и окрашивая все это вновь обретенными чувствами. Его движения были быстрыми настолько, что простой человек не смог бы заметить мельтешение рук и перьев, и даже ангел вряд ли бы разглядел эти неуловимые жесты.

Вот этого человека ему было искренне жаль. Этот вызывал лишь гнев. Тот тоску и светлую грусть...

Тугой клубок неожиданно свалившихся чувств распуты-

вался медленно, словно неохотно. Воспоминания, состоявшие почти из одних только забранных им душ, оживали, наполняясь чувствами, и от этого ангелу Смерти становилось немного легче.

Уже давно стемнело, а Самаэль продолжал перебирать.

Радость сменялась тоской, жалость – гневом. Эмоции мелькали, как в калейдоскопе, обретая свое место.

Перед очередным пером Самаэль остановился. Он вытянул вперед ноги в изрядно помявшихся брюках и посмотрел на свои ладони.

На вид они казались совсем обычными. Мужские, но не грубые от тяжелой работы, а скорее аристократичные, с бледными, в ночной тьме, ладонями и длинными тонкими пальцами.

Одно касание этих пяти пальцев – и любая жизнь прекратит свое существование.

Он может нести людям лишь смерть, и это уже никогда не изменится – из Смерти нет возврата. И если теперь вдруг он кого-нибудь полюбит.

Полюбит...

Следующее перо Самаэль помнил лучше прочих. Даже два пера – одно цеплялось за другое, точно приклеенное. Перья принадлежали паре, что были друг другу предначертаны.

Они любили один другого почти так же сильно, как могут любить ангелы. Встретившись, они не хотели расставаться ни на секунду, и даже смерти не желали отдавать друг дру-

га. Поэтому за мужчиной послали Самаэля, против которого никто бы не смог устоять.

Генри, так звали того мужчину.

Он прожил довольно долго и не боялся смерти. Но он боялся оставить Мариэт в одиночестве, и потому держался за жизнь так крепко, как только мог. Мариэт же не желала отпускать его одного, и была готова умереть вместе с ним.

Так в итоге и вышло – Самаэль забрал обоих, хотя время женщины еще не пришло. Ангела Хранителя за подобное наверняка бы лишили крыльев. Но ангелов Смерти никогда не наказывали. У них не было чувств, они руководствовались лишь рассудком и указаниями свыше. Они просто выполняли им порученное, и иногда при этом случались подобные накладки. Но даже тогда их не за что было винить.

Души Мариэт и Генри Самаэль отнес наверх, и сейчас его обрадовало это – такая чистая любовь заслуживала счастья.

Ангел перебрал еще с десятков перьев – к моменту смерти влюбленных он уже брался лишь за особо сложные дела – и замер в нерешительности.

Клубок обретенных чувств почти распутался, оставив лишь пару узелков.

Он помнил следующую душу. Особенную душу.

И даже если бы вдруг стал человеком, то не смог бы ее забыть.

Сердце вновь защемило от боли, но теперь Самаэль знал, откуда она взялась.

Так и не решившись коснуться пера, он опустил руки и прикрыл глаза.

Так вот она какая – любовь к людям. К единственной особенной душе.

Как можно полюбить человека, и не знать об этом?

Самаэль с тоской поглядел на еще один сорванный им цветок, что рассыпался пеплом от неосторожного прикосновения всех пяти пальцев.

Оказывается, можно. Оказывается, Самаэль любил и любит до сих пор. И тоска об утраченном шансе сказать это теперь разъедает его сердце.

Самаэль сжал кулак, и от выражения чувств, от всей этой навалившейся боли, на секунду утратил контроль над собственной силой. Часть барьеров, которые он держал, скрывая свои возможности, упала, обнажив толику его могущества, распугав всех людей в десятке километров от него.

Почувствовав непреодолимый страх, они бросали свои дела, стремясь оказаться как можно дальше от первого ангела Смерти.

Глава 2

Все закончилось.

Апокалипсис был остановлен, а судьба Анжелы решена в ее пользу, но это не принесло девушке ожидаемой радости, хотя всего несколько недель назад она мечтала именно об этом.

Нет, безусловно, Анжела почувствовала облегчение от того, что этот клубок, наконец, распутался, и ее жизни больше ничего не угрожало. Вот только цена этого долгожданного спокойствия оказалась чересчур высока.

Падение Криса. Смерть отца.

Это было слишком большой платой за ее жизнь и возможность быть рядом с Дэймоном.

И какой же душой она себя чувствовала!

Как она вообще смогла поверить Люциферу? Поверить тому, кто восстал против Создателя! Поверить отцу лжи!

Искренность, отчаяние и сожаления... что там еще она умудрилась разглядеть в том, кто, как оказалось, просто использовал ее для достижения своей цели?

Его речи так легко проникли ей прямо в сердце и зародили там сомнения, что после переросли в веру. Не прошло и пары месяцев, как она сдалась под его напором, приняв его сказки за правду!

Да, Анжела всегда была наивна, но в этот раз сумела пре-
взойти саму себя!

Конечно, наверняка даже самому черствому человеку бы-
ло бы не устоять перед Люцифером. Ведь он существовал
тысячи лет, и все это время учился вредить людям, мани-
пуляциями и обманом, добиваясь своей цели. Учился лгать
так, что его вранье казалось честнее настоящей правды.

Но для Анжелы это было небольшим утешением – из-за
нее (точнее из-за нежелания Дэймона отдавать ее Самаэлю)
начался Конец Света, и из-за нее же он едва не увенчался
успехом.

Однако пока все это отошло на второй план.

Позже Анжела наверняка еще не раз (и даже не два) бу-
дет винить себя в излишней открытости и доверчивости, но
едва Крис сообщил им последние новости, как все мысли в
голове девушки вытеснила одна-единственная, простая, но
затмевающая даже остановленный Апокалипсис.

«Отец!»

В глубине души Анжела все же надеялась, что Крис ошиб-
ся. Что он не так что-то понял, или расслышал. Что когда она
придет домой, Джош, живой и невредимый, радостно встре-
тит ее на пороге.

И пока Анжела не убедилась во всем лично, ее не могло
волновать ничто иное. Ни Самаэль, что вдруг чудом получил
чувства, о которых уже давно позабыл. Ни то, что сама она
осталась без ангела-Хранителя, ведь Кристиан упал и теперь

ему придется так же туго, как уже приходится Дэймону.

Анжела смутно помнила, как вернулась домой. Кажется, ее отвез Дэймон на машине Криса. Куда отправился (да и отправился ли куда-то) сам Крис девушка не спрашивала, равно как и о том, что теперь будет делать Самаэль.

Когда Анжела подошла к двери дома, то задержалась на пороге, отчаянно прислушиваясь к звукам, доносящимся изнутри. Как же ей хотелось услышать голос отца и окончательно убедиться в том, что Крис ошибся. И действительно, внутри не было тихо – там кто-то разговаривал.

Обрадовавшись, Анжела вбежала внутрь так быстро, что Дэймон едва успел за ней. И тут же замерла на пороге гостиной. Казалось, все в ней было как обычно – привычный диван, журнальный столик, на котором стояла тарелка с сэндвичами, включенный телевизор, вещающий новости. Оказывается, на пороге она услышала голос диктора.

Отец тоже был на своем обыкновенном месте. Сидя на мягких подушках дивана, в одной руке он держал пульт, а голова его была запрокинута назад. Черты лица заострились, кожа посерела.

Вскрикнув, Анжела подбежала к нему, все еще глупо надеясь, что он просто уснул и вот-вот проснется.

Как же так? Почему именно ей выпало не просто пережить смерть своих родителей, но пережить смерть отца дважды?

Все это было похоже на страшный сон, от которого нельзя

проснуться.

И если в прошлом горе Анжелы длилось не так долго, хотя и запало глубоко в сердце, то сейчас она вдруг с пугающей ясностью осознала – в этот раз все случилось окончательно.

Ни Дэймон, ни Крис, ни кто-то еще уже не исправят это. Так решили наверху, и душа ее отца уже ушла вместе с ангелом Смерти, забравшим его.

Навсегда.

– Тише, – Дэймон подошел сзади и обнял ее за плечи, нежно поцеловав в висок. – Теперь он в лучшем месте. И ты точно знаешь это.

От его прикосновения и слов (а может и от согревающего ласковым теплом волшебного медальона, который девушка все еще продолжала носить) Анжеле немного полегчало.

Да, теперь, когда она точно знала, что рай реален, когда общалась со всеми возможными ангелами, как Хранителями, так и Смерти, и даже Смотрящим, это уже не казалось банальными словами утешения, которые обычно говорят на похоронах.

Это была правда, в которую она не просто верит, а в которой она уверена.

И теперь Джош наверняка вместе с Элизабет. Девушка легко могла представить личный рай своего отца – дом, утро, Джош, готовящий завтрак и ее улыбающаяся мать, которую он так любил и которую пережил так ненадолго.

– Останешься? – прошептала Анжела, и Дэймон уверенно

кивнул в ответ.

Конечно, он останется. Он ни за что бы не бросил девушку одну в такой трудный для нее момент.

На некоторое время Анжела замерла в его объятиях, ощущая, как в глубине души крепнет решимость.

Да, это тяжело, но она обязательно справится! Она должна окончить этот, проклятый с одной стороны, и безумно счастливый с другой, учебный год, потому что оба ее родителя хотели этого всей душой.

Взяв себя в руки, Анжела набрала девять-один-один.

Дальше все завертелось как в калейдоскопе, и до глубокой ночи у девушки не было ни одной свободной минуты.

Приехавшая по вызову бригада предварительно констатировала сердечный приступ, и увезла уже холодное тело отца на вскрытие. Кроме того, ей несколько раз пришлось повторить одно и то же – она пришла домой, увидела отца и сначала решила, что тот спит. Но его лицо показалось ей странным, и она подошла проверить, а после того, как тот не отреагировал – померила пульс и вызвала службу спасения.

История почти соответствовала истине, и ни у кого не вызвала вопросов, тем более, что причина смерти была естественной. Да и шериф, неплохо знавший и Джоша, и Анжелу, не желал угнетать девушку излишними допросами.

Когда же, наконец, все было окончено, Анжела упала в объятия Дэймона, спрятав лицо на его груди, и расплакавшись, как маленькая девчонка.

Хэвенли не требовались слова, чтобы понять, что она чувствует – он в буквальном смысле ЗНАЛ это. Способность к эмпатии есть у всех ангелов, даже если они падшие. Так, вдвоем, они молчали до самого рассвета.

Утро принесло с собой массу дел, на которые Анжеле пришлось найти силы, вопреки бессонной ночи.

Ей надо было заняться документами, разобраться со страховкой и браться за организацию похорон. Дэймон не отступал от нее ни на шаг, но он мало чем мог помочь. Откуда у падшего опыт в таком деле, если прежде он умирал вместе со своими подопечными?

Криса же после случившегося девушка так и не видела. Он словно пропал вместе с Люцифером, не появляясь в школе и не выходя на связь. А может, просто предпочитал держаться от нее подальше.

Анжела знала, что при желании Дэймон сможет найти его – ангел всегда увидит другого ангела, если последний, конечно, не Смотрящий, или не помянутый выше Люцифер. Но девушка не пыталась сделать ничего подобного.

После смерти Джоша, Крис даже не позвонил ей, чтобы узнать о том, как она. Но Анжела его не винила, ведь он имел на это полное право.

Ей было тяжело, однако медальон – слезы Евы об Авеле, превратившиеся в один из первых артефактов в мире – не давал ей погрузиться в пучину черного отчаяния. А кроме того были еще две вещи, приносявшие успокоение. Во-пер-

вых, она знала, что отец действительно в раю. А во-вторых, что его смерть – не вина ни ее, ни Дэймона. Если бы Хэвенли вновь спас ее за счет жизни Джоша, как сделал это прежде, она бы, наверное, нашла в себе силы простить его. Но чувство собственной вины и причастности вряд ли позволило бы ей стать счастливой.

А так ей было немного легче.

Крис же...

Падшим и без того нелегко справляться со своими эмоциями, что льются через край темной рекой, грозя полностью поглотить остатки света, а вместе с ним и всего того, что принято называть «человечностью» (хотя Ангела бы поспорила с подобным определением).

Еще Дэймон, прошедший, и каждый день продолжавший проходить через подобное, рассказывал ей об этой тьме. И даже предложил оставить его, опасаясь однажды потерять над собой контроль.

Конечно, она отказалась. Пусть Дэймон и был падшим, но Ангелу это совершенно не пугало – она не верила, что он сможет причинить ей вред.

Крис же защищал ее, сколько она себя помнила, и сейчас наверняка держался подальше лишь от того, что не желал нагружать ее еще и проблемами с контролем гнева, возникшими после падения.

Пожалуй, это его решение было даже кстати. Поддержки Дэймона и подруг ей вполне хватало, а Кристиан... мало то-

го, что он любил ее (а однажды полюбивший ангел будет любить вечно, даже если предмет его любви и отказал ему), так еще и его падение было отчасти связано с ней самой. Выходит, девушка кругом была виновата перед Крисом, который заслуживал куда лучшей участи.

Мать Кайлы, Бетси, снова пришла ей на помощь, как было и после смерти ее матери, Элизабет. Впрочем, сейчас Анжела держалась куда лучше, и помощь оказалась больше формальностью.

Девушка сама договаривалась с ритуальным агентством о панихиде, сама составляла список гостей, сама подбирала фотографию и одежду для похорон. Она не ревела и стойко выстояла всю церемонию прощания. Она вежливо отвечала на бесконечную череду однотипных соболезнований и вместе с остальными гостями тихо подпевала церковному хору.

Она даже запомнила короткую речь на кладбище и, испытывая отчаянное чувство де-жавю, первой бросила цветок в свежую могилу.

Джош упокоился рядом с Элизабет – оказывается, недавно они приобрели места, на всякий случай, чтобы в будущем не вызвать у Анжелы проблем. Случай наступил слишком скоро.

После похорон были небольшие поминки – близких друзей у Джоша почти не было, как не было и каких-либо родственников. А когда, наконец, все ушли (хотя убедить подруг оставить ее было непросто), Анжела поднялась к себе в ком-

нату и позволила дать волю чувствам.

Только Дэймон видел ее слезы.

Через пару дней после похорон приехала Карен, тетя Анжелы со стороны матери. Она бы приехала и раньше, но на момент трагедии они с мужем отдыхали в Европе, и им не смогли дозвониться.

Карен сокрушалась, что оставила девушку одну в такой момент, но Анжела в ответ лишь пожимала плечами. Она была рада видеть свою тетю, но действительно нуждалась только в одном Дэймоне.

Карен осталась погостить и помочь разобраться с бумагами, наследством и страховкой, и вот это было уже весьма кстати, хотя и несколько мешало проводить с Хэвенли все время.

Впрочем, последний всегда находил момент и способ оказаться рядом.

В школу Анжела пока не ходила. Учителя с пониманием отнеслись к ее горю, освободив от занятий, и она не знала, к добру это, или наоборот.

Ей бы куда больше хотелось забыться, погрузившись в учебу, как этого желали ее отец и мать. Ведь, действительно, ничто так не отвлекает от горя, как упорный труд. Но с другой стороны Анжела знала, как оно будет. Она уже проходила это совсем недавно, и не стремилась вновь видеть сочувствующие взгляды и слушать перешептывания за своей спиной. Она не хотела, чтобы ее жалели.

Спустя две недели после похорон Анжеле исполнилось восемнадцать. Карен уехала на пару дней раньше. На самом деле, она хотела остаться, но ее мужу надо было возвращаться, и Анжела уговорила ее ехать вместе с ним. Ей не нужен был опекун – по законам штата она достигла возраста совершеннолетия, хотя и абсолютно не чувствовала себя таковой.

Да и не так она представляла этот день рождения.

Ей никогда толком не удавалось отметить свой праздник. Во-первых, каждый год этому всегда мешали какие-то случайные обстоятельства, и даже свои шестнадцать она встретила не так, как планировала. То она сильно заболела, то отца не отпускали с работы, а однажды, в детстве, и вовсе эпидемия какого-то тяжелого гриппа свалила всех ее подруг, и она осталась одна. А во-вторых, ее день рождения приходился перед самым Рождеством, а это значило бесконечные очереди в магазинах и ощущение праздника, но не ее личного, а, так сказать, общемирового.

В этот же раз ей и вовсе было не до торжеств – ни до одного из них.

Кайла и Дарси, разумеется, не позволили ей провести день рождения в одиночестве, но, несмотря на их старания, это оказался самый темный праздник в ее жизни, окутанный угнетающей и печальной атмосферой.

Теперь он навсегда будет для нее ассоциироваться не с днем, когда она родилась, а с днем, когда осталась круглой сиротой.

Последующее Рождество прошло ничуть не веселее. Девочки предлагали ей отметить у кого-нибудь из них, но Анжела отказалась. Семейный праздник, прежде всегда проводимый с матерью и отцом, в этот раз девушка встретила с Дэймоном.

Последний практически поселился у Анжелы, хотя вместо сна и предпочитал рисовать ее, или просто любоваться ей.

Кроме моральной поддержки Хэвенли взял на себя и финансовую сторону, закупая продукты, оплачивая счета и обеспечив расходы на похороны. Конечно, девушка смогла бы обойтись и без него – страховка и средства Джоша, которые он копил ей на колледж, это позволяли. Но играть в гордость она не стала. Какой смысл, если от этого никому не будет лучше?

Анжела не знала, откуда Дэймон берет деньги – накопил ли он их еще с прошлых жизней, или же получал от таинственных знакомых, от которых получил и корвет. На самом деле, она пока даже не задумывалась об этом.

Доходы Дэймона (как только он решил озаботиться такой неангельской частью своего существования, как деньги) оказались куда внушительнее, чем у Анжелы – стремясь порадовать девушку хоть чем-то, он накупил тонну деликатесов на рождественский стол и принес огромную елку.

Вместе они нарядили ее, украсив и дом, но настроение Анжелы от этого праздничным не стало. Она отмечала скорее потому, что родители хотели бы этого, чем потому, что

имела желание отмечать.

Через пару дней, делая уборку в доме, она обнаружила тщательно запрятанный подарок.

Дэймон, что помогал ей, сначала не понял, отчего Анжела ревет, сидя посреди комнаты.

Новенький телефон, который она так хотела. Последний сюрприз ее отца, который он уже никогда не сможет вручить.

– Ну-ну, хватит, – Дэймон сел рядом и стал гладить ее по волосам. – Успокойся, Анжела. Все будет хорошо.

Это так напомнило ей то время, когда отец утешал ее после смерти матери. Так же неловко и неуклюже, пытаюсь ее приободрить, как это делал сейчас Дэймон, что она разревелась пуще прежнего.

– Решено, – твердо сказала Анжела, когда поток слез, наконец, остановился. – После каникул возвращаюсь в школу. Я итак слишком долго тянула и больше не могу пропускать занятия. Отец и мать хотели, чтобы я закончила этот класс, поступив в колледж. Так я и сделаю.

– А я буду рядом, чтобы помочь тебе, – Дэймон нежно вытер остатки ее слез и поцеловал, заставив на секунду забыть обо всех проблемах и погрузиться в тот фантастический водоворот ощущений, что накрывал ее с головой, стоило лишь их губам соприкоснуться.

Глава 3

Анжела всегда любила каникулы.

Да и вообще, разве нашелся бы школьник, который не любит их?

Хотя сейчас, надумав вернуться в школу, девушка предпочла бы сделать это незамедлительно, а не томиться бездействием, пускай теперь уже вынужденным. Анжела была из тех, кто, решив что-то однажды, стремился выполнить свое решение как можно скорее.

И пока занять себя школой не имелось возможности, а с необходимыми делами было уже покончено, девушка вернулась к волонтерству.

Буквально на следующий, после разговора с Дэймоном, день она пошла в больницу, чтобы договориться о количестве смен – в праздники люди попадали в неприятности куда чаще, и помощь была бы кстати.

– Анжела, бедная ты моя девочка, прими наши соболезнования, – всплеснула руками Лили, немолодая медсестра, указы которой и выполняла девушка. – Стать круглой сиротой в твоём юном возрасте это ужасно. Мы не ждали тебя так рано. И уж точно никто бы не осудил тебя, если бы ты отдохнула на каникулах.

– Спасибо, – Анжела выдавила улыбку. – Но мне нравит-

ся работать здесь. К тому же, как я могу сидеть дома, когда людям нужна моя помощь.

– В этом ты права, – Лили зорко оглядела девушку, – твоя помощь будет весьма кстати. Что ж, тогда за работу.

Больше у Анжелы никто ничего не спрашивал – Лили разбиралась в людях получше любого Хранителя и очень быстро смекнула, что Беллз пришла в больницу забыть о своем горе, а не отвечать на вопросы, или получать жалостливые взгляды.

Но, пусть напрямую ей никто и ничего не говорил, Анжела то и дело слышала за спиной шепоток «бедная девочка, потерять обоих родителей так рано», однако к подобному она была готова. В конце концов, эти люди действительно ей сочувствовали.

Да и времени думать у нее просто не оставалось – как обычно медсестры остро нуждались в ее помощи, и всю свою смену она носилась по больнице, выполняя всевозможные указания.

Она задержалась и после окончания смены – особых планов на вечер у девушки не было, а эта деловая суета и забота о других помогали ей справляться с собственным горем.

Наконец закончив (на самом деле Лили буквально вытолкала ее домой), Анжела вышла из больницы.

Устало потянувшись, она распустила собранные в тугую пучок волосы и оглядела забитую машинами стоянку.

Сегодня ей предстояло добираться до дома самостоятель-

но.

Дэймон, в последнее время постоянно подвозивший ее, в этот раз улетел к своим таинственным друзьям, чтобы раздобыть еще денег, хотя на взгляд Анжелы их было вполне себе достаточно.

Крис же по-прежнему продолжал избегать ее общества. Наверно, девушке стоило собраться с мыслями и поговорить с ним – бывшему ангелу всегда приходится туго после падения, особенно такому правильному и послушному, каким прежде был Кристиан. Но она все еще откладывала этот неизбежный момент, не готовая утешать кого бы то ни было, ведь сама пока не переварила свое горе.

– А вот и она, виновница всего этого свершившегося великолепия! Прими мою искреннюю благодарность, – торжественно раздалось прямо над ее ухом.

Анжела вздрогнула.

На секунду ей показалось, что это Люцифер. Словно время обернулось вспять, и все те события, когда он благодарил их за помощь, и которые теперь казались такими далекими, вновь вернулись. Словно она сейчас стояла не на пороге больницы, а опять очутилась у себя дома, в момент, когда Самаэль забрал ее отца вместо нее самой, начав этим Апокалипсис.

Но нет. Лишь показалось.

Это был кто-то другой, явно непохожий ни на Люцифера, ни на кого-то из ее знакомых.

Высокий молодой человек лет двадцати трех – двадцати пяти на вид, с острым подбородком и кудрявыми каштановыми волосами, беспорядочно растрепанными. Он был одет в брюки, рубашку с закатанными рукавами и жилетку. Куртки, несмотря на холод, у него не было.

– М-м-м, прелес-с-стно, – растягивая согласные, протянул незнакомец, пока Анжела его рассматривала. – Знаешь, реальность всегда разочаровывает. Я, признаться, ожидал чего-то большего от той, из-за которой начался Апокалипсис. Ну не знаю, может какую-то супер-внешность, или третью грудь. Третья грудь не может быть лишней. А ты слишком обычная.

– А ты очередной ангел? – хмуро спросила Анжела, еще раз оглядев незнакомца с головы до ног.

Она и сама считала себя вполне заурядной, а потому слова этого манерного щеголя не могли задеть ее (пусть и были не слишком приятны). Но после тесного общения с Люцифером девушка небезосновательно опасалась заводить разговор с незнакомыми ангелами, особенно если они не выглядели благостными святошами. Этот на святошу уж точно не походил – он больше напоминал лощеного аристократа – а потому не внушал ей никакого доверия.

– Не очередной, а единственный и неповторимый, – фыркнул ангел. – И я гораздо выше простых двукрылых. По крайней мере, был.

Услышав про «был», девушка молча развернулась, и по-

спешила к своей машине. Она определенно хорошо усвоила урок, и без Дэймона не собиралась слушать (а уж тем более слышать и разговаривать) никого, кто «был».

– Какая гостеприимная встреча, – незнакомец помахал вслед девушке пальцами, но идти за ней даже и не думал.

Он уже удовлетворил свое первое любопытство в плане той, что помогла ему, пусть и не намеренно, вырваться из заточения. Впрочем, его слова были не слишком искренны. Да, он ожидал чего-то экстраординарного от девушки, ради которой упали уже два ангела, причем один из них был не просто Хранителем, а Первым, что значило еще больше (хотя на счет причин падения ангела, ныне именовавшегося Кристиан Таннер, можно было и поспорить).

Но все же, пусть третьей груди девушка не имела, но и заурядной не была – пышные волосы, кукольное личико и стройная фигура выгодно выделяли ее на фоне прочих.

А уж он знал толк в земных девах.

– Самаэль, – незнакомец оставил мысли о рыжей прелестнице и улыбнулся пустоте. – Давно не виделись. Расскажи-ка мне последние новости.

– Что ты хочешь знать, Азazelл? – спросил мужчина в классическом костюме, растерянно растрепав свои волосы, стриженные несколько старомодно.

В его голосе не было настороженности, или ненависти. Он явно знал этого манерного молодого человека и относился к нему нейтрально, даже с некоторой долей симпатии.

– Все. Я хочу знать все. Я скучал по этому грешному миру. И взяв Самаэля под ручку, он повел его прочь от больницы.

***

Анжела с нетерпением ожидала, когда вернется Дэймон. Она всегда скучала по нему, даже если их расставание было коротким, но сегодня ей хотелось увидеть его пораньше не только из-за этого.

Неожиданная встреча у больницы порядком взволновала девушку. Кто это мог быть?

Судя, по его словам, он был падшим. Конечно, падших довольно много – она сама общается с двумя из них – и опасаться их особо не стоит (разумеется, до тех пор, пока они окончательно не превратились в демонов). Да и место их пребывания – преимущественно ад. Ведь обычно ангелы падают вслед за любимым человеком, желая быть рядом с его душой.

Этот же, если верить его словам, был выше простых ангелов, а с учетом времени появления и благодарностей за почти устроенный Конец Света, явно откуда-то сбежал. Может какая-то клетка была заперта не так крепко, как Чистилище, и первых снятых печатей вполне хватило, чтобы отворить дверь?

Тогда тем более хорошо, что она не стала с ним разговаривать!

Незнакомец выглядел неопасно, но кто знает, что за бывший ангел вышел на свободу, и откуда вообще он вышел. Она умеет учиться на своих ошибках, и после Люцифера никогда не повторит подобного.

Наконец, когда девушка уже устала томиться ожиданием, оконная створка распахнулась, и на подоконник присел Дэймон.

После смерти отца и отъезда Карен, Анжела осталась одна в большом доме, но так и не решилась разобрать вещи Джоша, или что-то изменить (хотя когда-нибудь это все же придется сделать), и жила лишь в своей комнате. А Дэймон по-прежнему предпочитал окно, а не дверь.

Прошедшие события не изменили его пристрастий в одежде, и сейчас на нем были белые джинсы и такого же цвета майка, которая оставляла плечи открытыми и не мешала материализации перьев.

С сочувствием Анжела заметила, что сзади одежда заляпана алым. Конечно, Апокалипсис не помешал и не остановил ход падения, да и с чего бы? И процесс проявления крыльев по-прежнему причинял Дэймону боль. Впрочем, он готов был вынести и не такое, если это гарантировало счастье и безопасность Анжелы.

– Привет, – Дэймон открыто улыбнулся, – как дежурство?

Впрочем, заметив волнение девушки, он напрягся:

– У тебя что-то случилось?

– Я сегодня видела ангела, – тут же выложила Анжела. –

Кажется, он был падшим. Я не стала с ним разговаривать и ушла.

Теперь-то она понимала, что такие важные новости никогда не стоит откладывать на потом, или искать для них более подходящее время.

– Падшего? – Дэймон не на шутку встревожился.

У него уходило много сил на контроль собственных эмоций и борьбу с той тьмой, что возникла в нем после падения. Однако появление в городе еще одного падшего (да и любого нового ангела) он бы точно не пропустил.

Хотя, раз уж Люцифер научился так маскироваться, то наверняка это мог сделать и кто-то еще. Те же Смотрящие умели прятаться ото всех сразу, или же ангелы самого высокого чина. Правда ни среди первых, ни среди вторых падших явно не наблюдалось. Кроме, разве что... нет, неужели?

– Вроде да. По крайней мере, он знал про Апокалипсис, и сказал, что был не простым ангелом. Все это звучало так, будто он только что выбрался из клетки, – пояснила Анжела.

Видимо первая мысль Дэймона оказалась верной. Падших было много, гораздо больше, чем того хотелось бы небесам. Но основная часть ангелов отступалась от рая ради своей любви. И все они, в конце концов, становились демонами, оставаясь в Аду, выбраться откуда крайне сложно. А клетка...

– Кажется, я знаю, кто это мог быть, – Дэймон хлопнул себя по лбу. – Он представился?

Конечно, все они изучали (а кто-то и наблюдал воочию) историю падения Люцифера от гордыни. Потому что это было совершенно неслыханно. А еще слишком темно и слишком больно для простых ангелов, которых наполняет легкий свет, счастье и любовь.

Это был пример того, как делать не стоит, и все ангелы (да и люди) знали наизусть те события, и ужасались ими, обещая, что никогда такого не повторится. Хотя кроме Люцифера никто подобное повторить бы и не смог, ведь ангелам закрыты низменные чувства. Особенно бестелесным.

Но, даже помня историю Люцифера, были и другие. Те, кому не понравилось создание людей. Способные пока что любить только Создателя (ведь возможность любить людей ангелы получили лишь после смерти Каина) некоторые приревновали его к новым, странным существам, а другие выразили свои сомнения в целесообразности их создания. Это не был бунт, как таковой. Лишь недоумение и непонимание.

Тогда некоторых, особо сильно сомневающихся в людях, не Хранителей, но ангелов, что куда выше по силам, отправили на землю, дабы они на своей шкуре осознали, что значит быть человеком. Многие восприняли этот урок, но были и другие... точнее, один-единственный другой.

– Я не стала его слушать, решив прежде поговорить с тобой, а он не стал меня преследовать. Но могу сказать, что у него были каштановые кудрявые волосы, довольно длинные, а еще острый подбородок, – отрапортовала Анжела

– По описанию не слишком похоже, но если это тот, о ком я думаю, то внешность не важна, – протянул Дэймон. – Ведь тот, о ком я думаю, вовсе не просто ангел...

– Не просто ангел? Ты тоже не просто ангел, а Первый Хранитель. Самаэль Первый Ангел Смерти, а Люцифер... его уж точно никак нельзя назвать простым, – фыркнула Анжела. – Я вообще сомневаюсь, существуют ли «просто ангелы».

– Крис был самым простым, – засмеялся Дэймон. – За исключением телесности. Нет, я имею в виду нечто другое. Не все ангелы приглядывают за людьми. Даже на небесах существует иерархия.

– Раньше ты этого не говорил, но, кажется, я понимаю. Ведь кроме просто ангелов есть еще архангелы, херувимы и прочие? – перечислила девушка по памяти.

Даже встречаясь с ангелом, она не стала знатоком религии, и весьма смутно представляла, в чем различия между теми же архангелами и херувимами, кроме как в названии.

– Да, именно так, – подтвердил Дэймон. – Люди считают, что существует всего девять чинов, поделенных на три своеобразных ступени. Но все это не слишком-то и верно.

– Почему? – заинтересовалась девушка, на некоторое время позабыв о странном незнакомце.

– Потому что ангелы не делятся на более близких к Создателю, или более далеких. И уж точно Он не восседает на ангелах, хотя люди почему-то решили иначе, – фыркнул Дэй-

мон. – Но все же, несмотря на равную близость, иерархия есть. Она сложная и простая одновременно, но если тебе будет интересно, я расскажу об этом позднее. А сейчас вернемся к тому, кого ты видела. К новому падшему ангелу, который, если я правильно угадал, вышел из клетки после снятия первых печатей.

– Скажи, у нас снова неприятности? – нахмурилась Анжела, вновь становясь серьезной.

Теперь она действительно опасалась знакомств с ангелами, которые «были».

– Нет, все в порядке, – усмехнулся Дэймон. – Он совсем не похож на Люцифера.

Если поначалу Хэвенли и сомневался в том, кем является неожиданный визитер, решивший вдруг посетить городок Сэнт Хиллз, то пару мгновений назад новый ангел позволил ему себя почувствовать, и все сомнения отпали.

– Так кто это?

– Думаю, он сам тебе все расскажет.

Не успел Дэймон договорить, как на подоконнике возник тот самый молодой человек, которого совсем недавно видела Анжела.

– Можно войти? – вскинув брови, поинтересовался он.

Посмотрев на Дэймона, Анжела кивнула, и незнакомец ловко впрыгнул в комнату. Он был грациозен, а рубашка с брюками сидели на нем так элегантно, точно он носил их с момента сотворения мира.

– А разве ты когда-то нуждался в приглашении? – усмехнулся Дэймон.

– И тебе привет, Ал, – незнакомец уселся на кровать, – ты нас познакомишь? А то твоя девушка боится делать это на улице.

– Ну, во-первых, меня теперь зовут Дэймон...

– Да-да, хорошо, Ал. Переходи к «во-вторых», – небрежным жестом отмахнулся тот.

Он был буквально воплощением изящества с замашками аристократа, которые почему-то не слишком влияли на его манеру речи.

– А во-вторых, Анжела – Азазелл. Азазелл – Анжела.

– Азазель? – переспросила девушка, вспоминая, что же она слышала про этого бывшего ангела.

Выходило, что ничего хорошего.

Демон пустыни, которого отправили в заточение за то, что он показал людям оружие и научил женщин пользоваться косметикой.

– Не Азазель, а Азазелл. Что у людей за привычка коверкать имена и додумывать все самим? – фыркнул тот.

– У Аза это большая тема, – хихикнул Дэймон.

– Я все слышу. Посмотрел бы я на тебя, если б твое истинное имя растиражировали в таком исковерканном варианте. Да еще эта неприятная история с заточением... Фууух... Клетка – это не самое лучшее место на земле.

– Что тебе здесь надо? – прямо спросила Анжела.

Дэймон отчего-то молчал, лишь хитро усмехаясь. Конечно, такая его реакция немного успокоила девушку, но все же, она хотела прояснить все сразу и не позволить себе вновь обмануться.

– О, именно здесь, в этом городке, меня интересуют только Сэм, Ал и симпатичные девчонки, – широко улыбнулся Азазелл и, подумав, добавил. – Ну и ты, пожалуй.

Анжела задумалась, стоит ли ей обижаться на эту сомнительную фразу, но Дэймон ее опередил.

– Аз, – падший нахмурился. – Прошу тебя, будь более... сдержан. Я слишком хорошо тебя знаю.

– Ладно, ладно, – Азазелл вскинул руки, точно сдаваясь. – В любом случае, Ал, я жду тебя на улице. Думаю, нам есть, о чем поговорить.

– Хорошо, – ответил Дэймон, но бывший ангел уже перемахнул через подоконник, скрывшись за ним.

– Азазелл? – спросила Анжела, вскинув брови.

– Фигляр с замашками аристократа, – фыркнул Дэймон. – Но он не Люцифер. Я давно его знаю, и он вовсе не жаждет уничтожить этот мир, или чего-то подобного. На самом деле, он может быть куда более серьезен, чем кажется.

– Если он так хорош, то почему его изгнали?

– Это долгая история. Не такая известная, как у Люцифера, но все же заслуживающая внимания. Если хочешь, то немного позже я попрошу Аза рассказать тебе ее.

– А почему ты не сделаешь это сам? – удивилась Анжела.

Да и после Люцифера историю падения какого бы то ни было ангела она предпочла бы услышать от Дэймона.

– Ну, я так и не понял до конца, что же им двигало, – развел руками Дэймон. – Мы не успели толком поговорить об этом. Но давай пока закроем небесную тему. Лучше расскажи, как прошел твой день.

Анжеле по-прежнему было любопытно, отчего упал этот новый для нее ангел Аз, и зачем он на самом деле здесь объявился, но она послушно стала рассказывать о своем сегодняшнем дне в больнице.

В конце концов, Дэймону все же лучше знать, и раз он не видит никакой угрозы в этом наглом падшем с аристократическими замашками, то, скорей всего, никакой угрозы и нет.

Они проболтали (и не только) до самой ночи – оба успели соскучиться друг по другу. И лишь уложив Анжелу спать, Дэймон бесшумно выскользнул в окно, осторожно прикрыв за собой створку. Аз ждал его внизу, и им действительно было что обсудить.

Глава 4

– Старина Ал! Приветствую тебя, мой юный друг, – Азелл похлопал Дэймона по плечу. – А ты, я погляжу, совсем не изменился.

– Тебя создали немногим ранее меня, – усмехнулся тот в ответ. – Что это за облик? Ты сам на себя не похож.

– О, боюсь, мой истинный вид слишком специфичен для этого консервативного городка, – отмахнулся Аз.

– И то верно, – кивнул Дэймон. – Ну, рассказывай.

– О, это ты должен мне рассказать. Меня не было всего ничего, а ты успел устроить Конец Света и вернуть старине Сэму его чувства.

– Конец Света устроил не я, а Люцифер. Да и чувства Самаэлю вернул Кристиан.

– Но ты два раза спас свою рыжую девицу, – Аз поднял указательный палец вверх. – Я уже успел кое-что разузнать от Сэма. Бедняга совсем растерян и едва справляется с обрушившимся на него ураганом эмоций. А эмоции для ангела, это как... ну ты сам знаешь.

– Как наркотик, – продолжил за друга Дэймон. – Да, у меня еще не было времени поговорить с ним, но я вполне могу представить, каково ему. А вот как освободился ты?

– Ваше шоу смело все замки, что держали клетку запер-

той, – пояснил Азазелл. – На самом деле, уверен, что выбраться смог не только я, ведь и врата Ада, и Небес заметно пошатнулись после столь эпичной битвы. Впрочем, думать об этом я не стал. Я провел наедине с самим собой слишком много времени, чтобы теперь думать долго хоть о чем-то. Увидев брешь, я тут же вырвался на волю, а потом пришел посмотреть на тех ангелов, которые устроили это. И знаешь, увидев тебя, я совсем не удивился.

– Почему? – вскинул брови Дэймон.

– Рано, или поздно, но ты должен был упасть, – пожал плечами Аз, словно говоря о само собой разумеющихся вещах. – После падения Люцифера это стало очевидно всем, у кого есть хоть капля мозгов. Ведь ты чрезвычайно похож на него. О, старина, не смотри так... я имею в виду, похож в самых хороших смыслах. Те же глаза и та же непокорность в них, то же свободолюбие. Только, в отличие от Люцифера, ты борец не за свою гордыню, а за справедливость. Темное пламя разума и воли, которое в итоге все равно должно было вырваться наружу.

– Почему ты пришел в Сэнт Хиллз так поздно? – Дэймон перевел тему.

Слова Аза не пришлись ему по душе, отчасти потому, что были правдой.

Где-то глубоко внутри он и сам знал, что похож на Первого Падшего больше, чем ему хотелось бы. И надеялся лишь, что Ангела сможет разогнать его тьму и не даст ему скатить-

ся в пропасть... не даст превратиться в такого же циничного психа, каким был Люцифер.

– О, представь себе, ты выходишь из темницы, пропустив пару тысяч лет. Что же ты сделаешь в первую очередь? – хмыкнул Азazelл, и ответил сам себе. – Все это время я изучал реалии современного мира. А если быть точнее, смотрел сериалы и пил пиво.

– Неплохо, – рассмеялся Дэймон. – Считай, что ты постиг лучшие из человеческих изобретений.

– Да, помимо стриптиз-клубов и пип-шоу.

– А вот таким никогда не увлекался, – развел руками Дэймон.

– Зря, – с серьезным лицом проговорил Азazelл. – Ты многое упустил. Моногамия слишком скучна, а земные девушки – это то, о чем я мечтал, будучи в заточении. То, что давало мне силы не свихнуться в одиночестве...

– Кажется, за это тебя и изгнали, – вскинул брови Дэймон.

– Меня никто не изгонял, – оскорблено задрал голову Азazelл. – Я сам решил остаться на земле. Но начальству мое решение не понравилось.

– И тебя заперли, – кивнул Дэймон. – Все произошло довольно быстро, и я так и не успел с тобой поговорить. Может, расскажешь сейчас?

– Предлагаю бартер. Я делюсь своей историей, а вы делитесь своей.

– Мы?

– Ты, Сэмми, твоя подружка. И этот, как его там, – Аз пощелкал пальцами. – Крис. Конечно, я уже много узнал от Самаэля, но сейчас его рассказ... слишком эмоционален.

– Зачем тебе это? – нахмурился Дэймон.

– Просто любопытно, как же так случилось, что я вышел раньше срока, – пожал плечами Азазелл. – Договорились?

– Криса не обещаю. После падения он не хочет видеть никого из нас, а я не горю желанием его уговаривать.

– Хорошо, можно и без него. В конце концов, падение – штука довольно серьезная. Слышал, от нее конкретно так срывает крышу... Впрочем, неважно. Лучше расскажи мне о том, что произошло в этом мире.

– Даже не знаю с чего начать.

– С начала, – подсказал Аз. – Начни с того момента, как меня заточили.

И Дэймон принялся говорить.

Конечно, он не пересказывал каждый день (хотя вполне мог бы это сделать), а лишь кратко излагал моменты истории, которые считал достаточно важными, или интересными. Но и это заняло у него весь остаток ночи.

– Интересно, – выслушав все, Аз потер подбородок. – Люди смогли многого добиться, хотя не все их достижения так уж положительны.

Небо уже посветлело, предвещая скорый рассвет, но ни один из ангелов не выглядел уставшим после бессонной ночи.

– Это люди, – Дэймон развел руками. – У них свой путь. Так что насчет разговора?

– Встретимся вечером. Можно сделать это на месте вашей потасовки с Люцифером, – и Азazelл в прощальном жесте царапнул пальцами воздух, а после скрылся прочь.

***

Когда Дэймон вернулся, Анжела только-только проснулась.

– Как спалось, принцесса? – он подошел и нежно чмокнул ее в кончик носа.

– Приемлемо, – пожал плечами девушка. – Ты такой горячий.

– Да? – Дэймон задумчиво потрогал свои щеки. – Даже не заметил. На улице сегодня довольно холодно.

– Ты был на улице в таком виде? – Анжела недовольно оглядела его легкие белые джинсы и такую же майку.

– Эй, я же ангел. А это значит, что ни простуда, ни холод мне не страшны.

– И ты говорил там с этим Азazelлем?

– Да, – Дэймон улыбнулся, заметив ее серьезный вид. – Расслабься, Анжела. Он не Люцифер.

– Но в интернете про него ничего хорошего не написано.

– Людям вообще мало что известно о нем, – Дэймон пожал плечами. – Его история не так ужасна, а потому и не

так растиражирована. Он предложил увидеться сегодня вечером. Мы расскажем ему о Конце Света, из первых, так сказать, рук.

– А он?

– А он расскажет нам о своем падении. Я, если честно, сам умираю от любопытства.

– Тогда почему ты так уверен, что он хороший, если даже толком не знаешь, отчего он упал? – Анжела уперла руки в бока.

– Ты стала слишком недоверчивой и это надо срочно исправлять, – Дэймон сжал девушку в объятиях. – Я в нем уверен, потому что даже несмотря на то, что его заперли, поступки Аза не вызвали у небес такой ужас, какой вызвали поступки Люцифера.

– Хорошо, – девушка расслабилась и прикрыла глаза. – На самом деле, мне тоже интересно. До сих пор не могу поверить, что все это происходит на самом деле. Иногда кажется, будто я усну, а когда проснусь, то окажется, что все мне просто приснилось. Ангелы, падшие, Апокалипсис, Люцифер...

– И я?

– Я боюсь, что ты окажешься лишь сном.

– Но этого не случится, ведь я настоящий, – Дэймон усмехнулся и ущипнул девушку за талию, заставив ту взвизгнуть и рассмеяться.

А потом они поцеловались.

И делали это долго, и с наслаждением, растворяясь в друг

друге и забывая обо всех печалях.

Дэймон был безмерно благодарен Кевину, Смотрящему Европы, за то, что тот не пожалел медальон и отдал его Анжеле. Ведь только с ним Хэвенли мог целовать девушку снова и снова, не опасаясь при этом за последствия. Не опасаясь погубить ее душу своей внутренней тьмой падшего.

– И где мы будем говорить? – спросила девушка, вдоволь насладившись его объятиями. – И во сколько?

– Насчет «где» есть несколько вариантов. Если ты хочешь видеть и слышать Самаэля, то встречу придется назначить в месте, где он спустился на землю, – проговорил Дэймон, неотрывно глядя на Анжелу.

Он мог любоваться ею часами. Ее аккуратным личиком, бездонными глазами и яркими локонами волос, которые он так любил накручивать на палец, а потом рисовать. Да, пожалуй, ему мало даже вечности рядом с ней.

– Самаэль еще здесь? – удивилась девушка, немного смутившись от столь пристального взгляда.

Она думала, что раз все разрешилось, ангела Смерти призывали обратно на небеса.

– Да, – кивнул Дэймон. – Не забывай, сейчас для него все круто изменилось, ведь он получил чувства. На самом деле мне стоило поговорить с ним еще раньше, но как-то не сошлось...

Он беспомощно развел руками.

Да, ему стоило, ведь Самаэль – один из самых могуще-

ственных ангелов во вселенной, воплощение самой Смерти, а сейчас он обрел чувства, о которых уже давно позабыл. Но Дэймон слишком увлекся своими «земными» делами, чтобы думать о чем-то божественном. У него была Анжела, разбитая горем, были друзья, у которых он брал деньги, и вечера перед телевизором, и на этом его мир заканчивался. Мелковато для Первого Хранителя, но теперь же он падший, и может не думать о высших благах, верно?

– Понимаю, – покачала головой Анжела. – Я ведь сама так и не поговорила с Кристианом, хотя мне следовало сделать это сразу, как только он упал.

– Теперь у тебя есть причина для разговора. Аз просил привести на встречу и нашего святошу. Если ты, конечно, готова к этому.

– Готова, – девушка решительно кивнула. – Рано, или поздно это все равно случится, так зачем тянуть. А что насчет «когда»? Я хотела встретиться с девочками днем, но это всегда можно отложить...

Про себя Анжела подумала, что Аз слишком уж много просит, и такой интерес к Апокалипсису не вызывал у нее доверия, даже несмотря на слова Дэймона. Что ж, может послушав самого гостя, она изменит мнение.

Ну а касательно девочек... решив вернуться к жизни, девушка твердо следовала своему решению. Такой уж она была – отчасти упрямой, готовой идти вперед, несмотря ни на что.

– Не стоит. Иди к девочкам, а я пока разыщу Криса и пого-

ворю с Самаэлем. А вечером встретимся, например... у школы. Идет?

– Идет, – Анжела улыбнулась. – Думаю, это будет хороший день.

– Не забудь одеться потеплее, иначе замерзнешь и мне нужно будет тебя согревать, – хитро подмигнул Дэймон и поцеловал девушку, вызвав у нее мысли одеться как можно легче, лишь бы оказаться в его крепких объятиях.

***

Дождавшись, пока Дэймон исчезнет за окном, Анжела наконец-таки встала с постели. Умывшись и приведя себя в порядок после сна, она собрала волосы в хвост, надела теплые джинсы и свитер, и спустилась вниз, завтракать.

Это все еще оставалось непривычным – готовить завтрак самой, ведь прежде его всегда делал Джош. В такие моменты Анжела особо остро ощущала, как ей его не хватает, хотя Дэймон и пытался всячески избавить ее от таких переживаний.

Едва девушка закончила с едой, как раздался звук подъезжающей машины – Кайла всегда отличалась пунктуальностью.

– Ну что? За Дарси, а после есть пиццу? – радостно спросила подруга, обнимая Анжелу.

– Отличный план!

День действительно выдался веселым.

Девочки были безумно рады вновь видеть Анжелу улыбающейся, вернувшейся к своей привычной жизни, и тактично молчали о трагедии, зная, что жалость ей сейчас нужна меньше всего.

Вместе они обсудили последние новости из жизни друг друга – занятая похоронными делами, Анжела многое упустила из виду.

– В общем, расстояние все же преграда, – развела руками Дарси.

Она только что закончила длинный рассказ о том, почему не может быть вместе со своим последним парнем Диланом.

– Когда-нибудь и ты встретишь того самого, – утешили ее Кайла с Анжелой.

– Начинаю в этом сомневаться, – передернула плечами Дарси, которой совершенно не везло в романтических делах. – Скорее уж Эйприл начнет говорить про тебя правду, чем мне встретится «тот самый».

Кайла сделала страшные глаза, но было уже поздно – Анжела заинтересовалась.

– Кажется, я не была в школе тысячу лет. Эйприл все так же сплетничает?

– Понимаешь, Анжи, – мягко проговорила Кайла. – Ты ведь здорово уделала ее тогда, в столовой. Она такого явно не ожидала, и потому затихла на какое-то время, но стоило тебе перестать ходить в школу, как она вновь активизировалась.

И хотя весь город знает о твоём горе, это не мешает Эйприл распускать о тебе грязные слухи.

– Знаешь, а мне действительно все равно, – пожала плечами Анжела. – Пусть говорит, что хочет.

Это было чистой правдой. Девушка была бы рада, если бы сейчас самой большой её трагедией вновь стала сплетница Эйприл. Даже смешно, что она так переживала из-за подобных пустяков прежде.

– Отлично! – улыбнулась Дарси. – Тем более, каждому известно, что Эйприл лишь завистливая стерва. Нормальные люди никогда ей не верили, что бы она там ни трепала.

– Давайте забудем о ней и вернемся к чему-то более интересному, – предложила Кайла.

– Отличная идея, – радостно согласилась с ней Дарси. – Как поживает Дэймон? Он пропустил гораздо больше, чем ты. Я знаю, он здорово тебе помогает, но если он не вернется в школу, то его исключат.

– Я поговорю с ним, – кивнула Анжела.

Действительно, за всей суматохой Конца Света, девушка даже и не думала о том, что Дэймону положено ходить на занятия, иначе у него могут начаться проблемы.

– Сделай это. И, кстати, что насчет его дяди? Раньше Дэймон помогал своей родственнице, но неужели теперь мистер Хэвенли не обращает внимания на то, что его подопечный не посещает школу? – уточнила Кайла.

– Его дяде пришлось уехать ненадолго. Да и Дэймон ста-

нет совершеннолетним совсем скоро, – недолго думая ответила девушка.

Любое упоминание Люцифера было по-прежнему ей неприятно, но к подобным вопросам она все же подготовилась заранее. Хотя, сказав про грядущее совершеннолетие, Ангела вдруг поняла, что не знает, когда же у Дэймона на самом деле день рождения, да и есть ли они у ангелов в принципе.

– Правда? – захлопала глазами Дарси. – Выходит, ты старше? Ведь тебе уже стукнуло восемнадцать!

– Да какая разница, – перебила ее Кайла. – Даже Крису было сложновато нагнать программу, хотя все знают, какой он ответственный в этом плане!

– Крис был в школе? – удивилась Ангела.

Вот уж чего она не ожидала, так это того, что, став падшим, Крис вернется к учебе.

– Ну да, он ведь, как и Дэймон, отсутствовал по семейным обстоятельствам, и вернулся, когда все разрешилось, – развела руками Дарси. – Он рассказал нам, что мистер и миссис Таннер уезжали в долгую командировку и решили взять его с собой, ведь у него всегда была хорошая успеваемость, а значит, он может и кое-что пропускать. Сейчас же они все вместе вернулись. А что тебя так удивило?

– Нет, ничего, просто я давно его не видела, – стушевалась Ангела.

– Он очень поменялся, – печально заметила Кайла. – Стал

более раздражительным и мрачным. Кажется, даже после вашего расставания, он не выглядел таким агрессивным. Однако в чем дело он нам не говорит. Лишь отмахивается, что все в порядке, но возможно, в поездке у него что-то приключилось. Он же даже на день рождения к тебе не пришел, да и свой отмечать не стал. Поговори с ним, ведь вы все еще друзья, верно?

Действительно, ей надо было поговорить с ним прежде, но сегодня она точно наверстает упущенное.

Кстати, про сегодня...

– Надеюсь, что да, и я обязательно сделаю это, однако кажется, мне пора идти, – за разговором с подругами Анжела совсем забыла о времени.

– Да-да, ты же говорила о своей встрече с Дэймоном, – подхватила Кайла. – А я обещала тебя подвезти. Вот это мы засиделись! Пойдемте.

Все вместе они вышли из пиццерии. К счастью для Анжелы, мелкий дождь, ливший с утра, прекратился, как и ветер, и сейчас на улице было не слишком холодно, хотя довольно влажно.

Но не успели они погрузиться в машину Кайлы, как Анжелу окликнули.

– Эй, ведьмочка! – расслабленной походкой к ним приближался Азазелл.

Анжела закатила глаза.

Прежде она не знала, как объяснить девочкам свое обще-

ние с Люцифером, а теперь еще и этот.

– Кто он? – прошептала Дарси, восторженно глядя на ангела.

Тут, в принципе, Анжела могла ее понять. Падший, хоть и выглядел старше их всех, но был весьма симпатичен и настолько развязно-уверен в себе, что это привлекало.

– М-м-м... какая красота! – воскликнул подошедший Азазелл, избавив девушку от необходимости отвечать на вопрос. – Милая леди, вы необыкновенно прелестны, хотя, уверен, я не первый, кто это говорит. Анжела, немедленно познакомь меня с этой чаровницей!

– Э-э-э-э-э, – тупо зависла девушка, не ожидавшая такого напора.

Во-первых, она не знала, как представить этого наглого Падшего, а во-вторых, порядком удивилась такому потоку комплиментов. Ведь с ней Аз вел себя совсем по-другому.

– Я Дарси, – сама представилась покрасневшая подруга. – А это Кайла.

– Безумно, безумно приятно, – ответил Аз, едва взглянув на Кайлу, но продолжая при этом пялиться на Дарси. – Ну а я Азазелл, брат Аластэйра. Можно просто Аз.

Теперь уже зависли девушки.

– А-а-а-а, Дэймона, – первой сообразила Кайла, с трудом вспомнив, кто же такой Аластэйр. – Азазель и Аластэйр Хэвенли? Эти имена звучат так, будто вы ангелы.

– Да, наши родители знали в этом толк, – усмехнулся Аз, –

но, дорогуша, запомни, не Азазель, а А-З-А-З-Е-Л-Л! И почему все добавляют этот ужасный мягкий знак? А то и вообще букву «О»! Неужели такое простое имя так трудно запомнить? Впрочем, не держи на меня зла, милая, я просто не люблю, когда так безбожно перевирают отцовский дар.

Несмотря на «дорогушу» и «милую», когда он обращался к Кайле, его голос звучал по-деловому сухо и даже будто пренебрежительно.

– Это его больная тема, – пояснила Анжела своим несколько опешившим от такой тирады подругам.

Она совершенно не знала, как себя вести, когда падший, тысячи лет проведший в клетке, и недавно вышедший на свободу, в открытую флиртует с твоей подругой.

– Все добавляют мягкий знак, потому что согласно еврейскому фольклору так звали ангела, давшего женщинам косметику, а мужчинам оружие. За это его изгнали из Рая и заперли в пустыне, лишив крыльев до Страшного суда, – проговорила Дарси. – Мы проходили это на факультативе. Но разве у Дэймона так много братьев? Кажется, раньше он упоминал, что единственный ребенок в семье, хотя потом Анжела повстречала его брата, Сэма, а теперь еще и ты.

– О-о-о-о, – протянул Аз. – Ты не только милая, но и начитанная, однако в этих дурацких книжках много чего написано совершенно неверно. Мы братья только по отцу, хотя Ал любит об этом забывать. А уж о Самаэле и вовсе не принято упоминать в приличном обществе, ведь он смертельно

мрачен.

– Тебя слишком давно не было, Аз, и я успел позабыть о тебе. К тому же, говоря Анжеле о том, что у меня нет братьев, я лишь имел в виду, что у меня нет братьев, о которых бы я не знал, – усмехнулся неведь откуда взявшийся Дэймон. – Девчонки, привет. Анжела, нам пора, иначе мы опоздаем.

– Да-да, – девушка вздохнула с облегчением от того, что этот дурацкий и нелепый разговор окончился. – Пока, девочки, я позвоню вам вечером, обсудим завтрашние планы.

Появление Дэймона ее спасло. Она совершенно не знала, что говорить, да к тому же опасалась, что Азazelл ненароком сболтнет лишнего, а ей потом придется объясняться перед подругами.

– До встречи, Дарси, – Аз откланялся. – Надеюсь, она будет очень скоро.

Кайле же он слегка кивнул головой, и развернувшись, сел в машину Дэймона вслед за Анжелой.

Глава 5

– А что будет завтра? – заинтересовался Аз, едва Дэймон тронулся.

– Завтра будет вечеринка в честь Нового года, – неохотно ответила Анжела.

Она все еще не знала, как относиться к незваному ангелу.

– Ах, да, по григорианскому календарю, – поцокал языком Азazelл. – Странный праздник.

– Почему это? – возмутилась девушка, любившая этот день.

– Люди отмечают начало года, выбрав совершенно абстрактную дату, хотя, по сути, для каждого его год начинается в день его рождения. Вот скажи, почему именно конец декабря? Почему не лето? Почему не весна? Почему вообще декабрь кончается тридцать первого, а после начинается уже январь? И почему сутки считаются с полуночи, хотя даже полночь вовсе не полночь? – ангел вздохнул, закатив глаза. – Люди слишком любят раскладывать все по полочкам.

– Аз, не грузи, – фыркнул Дэймон, глядя на задумавшуюся Анжелу. – Сейчас еще слишком ранний час для философских рассуждений.

– Хорошо, – несколько недовольно согласился Азazelл, но, впрочем, тут же сменил тему. – Тогда расскажи мне про

свою прелестную подругу. У нее кто-нибудь есть?

– Дарси?

– Ну конечно Дарси! Вторая-то уже по уши влюблена, а значит, априори не может быть для меня симпатична.

– А зачем она тебе? – подозрительно сощурила глаза Анжела, не удивившись, что он узнал о парне Кайлы.

Все ангелы могут читать чувства, а уж раз Аз, со слов Дэймона, так силен, то черт его знает, что еще входит в арсенал его способностей.

– Будем вместе играть в куклы, – ехидно ответил Азazelл. – А сама ты как думаешь?

– Аз, не будь таким... собой, – вскинул брови Дэймон. – Дарси хорошая девушка.

– И именно поэтому я ей заинтересовался, – ничуть не смутился Аз. – Можешь не переживать, ведьмочка, я не стану делать ее плохой. Ну, так?

– У нее никого нет, – подумав, ответила Анжела.

Эта информация не была какой-то тайной, и лишь потому девушка озвучила ее Азazelлу.

– Прекрасно, так я и думал, – удовлетворенно кивнул тот. – Тогда дай мне ее номер. Не хочешь? Ну ладно, я сам узнаю. В конце концов, для ангела это не сложно, тем более, она пылает так ярко, что я и отсюда ее чувствую. Столь же прекрасна внутри, сколь и снаружи. М-у-у-а-а.

И он зажмурился, точно кот, увидевший беззащитную мышь.

– Аз, – вновь вмешался Дэймон. – Пожалуйста, она действительно очень милая девушка, поэтому просто оставь эту затею, если только века в клетке не изменили тебя, и теперь ты не настроен действительно серьезно.

– Ладно-ладно-ладно, – выставил вперед руки Азazelл. – Я слишком долго был взаперти, чтобы сейчас стать серьезно настроенным, пусть даже к самой красивой девчонке в мире. Ал, я уже говорил тебе сегодня, что моногамия – это весьма скучно. И раз уж вы так боитесь за милую Дарси, то я оставляю ее в покое, хотя, честное слово, я итак не собирался делать с ней ничего плохого.

Несмотря на печаль в голосе, он вовсе не выглядел расстроенным. Скорее, разочарованным от того, что не удалось развлечься.

Анжела вздохнула с облегчением. Личная жизнь Дарси и без того не ладилась. Не хватало еще, чтобы какой-то падший ловелас разбил ей сердце.

Остаток пути прошел за разглагольствованиями Аза о том, как изменился этот мир, и как он, Азazelл, рад наконец-то снова стать его частью.

Дэймон поддерживал беседу, а Анжела молчала, пытаясь все же понять, как ей относиться к незваному гостю.

Пока что, кроме излишнего интереса к девушкам в общем, и к Дарси в частности, ничего криминального она не обнаружила.

Аз выглядел ехидным и несколько манерным, но, кажется,

к миру и людям относился вполне доброжелательно, и Конец Света вроде бы не замышлял.

Впрочем, выводы делать пока было рано – стоило послушать его историю.

Проехав сколько возможно, Дэймон припарковал свой корвет, и ребята вышли из машины.

– Крис уже там? – спросила Анжела, кусая губы.

Она так долго откладывала разговор с ним, что теперь опасалась, как бы ни было слишком поздно.

– Да, – на секунду прислушавшись, ответил Дэймон. – И Самаэль тоже. Идем.

И он, подхватив девушку на руки, побежал. Деревья замелькали, как в калейдоскопе.

Азazelл двигался рядом, при этом манерно стряхивая с себя невидимые пылинки и выглядя так, будто находится на послеобеденной прогулке. Для завершения образа совершающего променад аристократа ему не хватало лишь трости.

На поляне они оказались довольно скоро.

Дэймон не ошибся – их уже ждали. Едва завидев ребят, Самаэль вышел вперед.

– Азazelл, Дэймон, – он кивнул им. – Анжела. Рад, что мне не пришлось забирать тебя, хотя, уверен, ты заслужила бы рай.

– Я тоже этому рада, – неуверенно ответила девушка.

На самом деле Самаэль выглядел... ужасно.

Когда все закончилось и Крис остановил коварный замы-

сел Люцифера, Анжела даже толком и не взглянула на первого ангела Смерти, слишком увлеченная мыслями об отце, а потому сейчас была порядком озадачена.

Грязные ботинки, брюки с пятнами травы на коленях и рубашка, мятая так сильно, будто ее пожевали – вот что осталось от прежде идеального облика Самаэля. Его старомодная прическа выглядела так, будто на него напали птицы, а когда-то безразличное ко всему лицо сейчас казалось слишком эмоциональным.

В целом ангел напоминал наркомана, которому только что дали новую дозу, а лихорадочно блестящие глаза и трясущиеся руки дополняли этот образ.

Дэймон присвистнул. Он так же не ожидал ничего подобного.

Кажется, ему стоило поговорить с Самаэлем гораздо раньше.

– Анжела, – теперь вперед вышел Крис, и девушка вновь ахнула.

Крис, ее знакомый до каждой улыбки, до ямочки на щеках и морщинки между бровей Крис, сейчас выглядел иначе. Теперь его серые глаза потемнели, отражая внутреннюю борьбу с мраком, а серьезно-спокойное выражение лица сменило горько-насмешливое. И он определенно стал куда более похож на Дэймона, чем когда бы то ни было прежде.

– Привет, – пробормотала девушка, обескураженная такими переменами.

– Прекращайте портить мне настроение своим удручающим видом, – похлопал в ладоши Азазелл, прерывая тягостное молчание, и впервые Анжела была ему благодарна. – Смотрите друг на друга, точно прежде не видели, и при этом пытаетесь глазами выговориться. А говорить надо сло-ва-ми.

– Давайте лучше устроимся поудобней, – поддержал его Дэймон.

Ему было неприятно смотреть на Криса – в нем он видел отражение себя. Только вот Крис нашел силы держаться от Анжелы подальше, чтобы не причинить ей вред, а он не смог.

– Устроиться поудобней это отличная идея, – царственно кивнул Азазелл.

Правда, непосредственного участия в процессе он предпочел не принимать, а лишь командовал Дэймоном, указывая тому, как расставить складной столик, и возмущаясь, почему никто не догадался взять пиво.

Наконец, когда все было готово, ребята разожгли костер и расселись вокруг него. Это оказалось весьма кстати, ведь Анжела, как единственный из всех собравшихся человек, уже начала замерзать.

– Давайте я начну, – никого не дожидаясь, вызвался Азазелл. – А то от вас толку не дождешься.

– Начни с того, кто ты вообще такой, – хмуро ответил ему Крис.

Появление еще одного падшего в городе не внушало Таннеру доверия, тем более, что этого ангела он прежде никогда

не видел.

Хотя, по большому счету, Крису было все равно. Он пришел сюда не слушать чьи-то рассказы, а лишь увидеть Анжелу. У него едва хватало сил держаться от нее подальше, и потому он с радостью уцепился за эту возможность взглянуть на девушку, согласившись, как только Дэймон позвал его.

– Но-но, – Аз надменно погрозил ему пальцем. – Будь пожеливее, крошка-падший. Я Азazelл, если тебе это о чем-то говорит.

– Ага, а я тогда Создатель, – фыркнул Крис. – Нам рассказывали об Азazelле, и он выглядел не так.

– Приятно, что обо мне помнят, – холодно ответил тот. – Смотри внимательно, показываю первый и последний раз.

А потом...

Это длилось меньше секунды, но Анжеле показалось, что она ослепла.

Вместо вполне обычного Азazelла возник невероятной красоты ангел с длинными, алыми, как кровь, волосами и лицом эльфийского воина. За его плечами виднелась рукоять катаны, но на счет этого девушка уж точно не была уверена.

– Позер, – дружески фыркнул Дэймон.

Его увиденное ничуть не удивило.

– Ты хорошо скрываешь свою суть, – серьезно кивнул Крис.

А вот он явно впечатлился.

– Не хочу, чтобы в меня тыкали пальцем. И уж точно не хочу никого ослепить своим видом, – изящно пожал плечами Аз.

И хотя последнее прозвучало хвастливо, Анжела вполне могла в это поверить. Истинный вид Азazelла по-настоящему внушал трепет.

– А теперь, когда мы разобрались с моей сутью, – он приложил ладони к груди, – давайте вернемся к сути нашей встречи. Конечно, я всегда рад видеть своих старых друзей, но все же мы собрались здесь не просто так. Поэтому для начала я проясню некоторые моменты, которыми недавно интересовался Аластэйр. Итак, когда были созданы люди, мне это не слишком понравилось, а скорее наоборот. Ведьмочка, не обижайся. И поэтому я выказал Создателю некоторые ммм... сомнения в правильности Его решений. Люди грешны и всегда все портят, а вот ангелы справились бы с жизнью на земле куда как лучше.

– Это было еще до того, как ангелы научились любить людей? – спросила Анжела.

Она не обижалась, ведь Аз был прав – люди действительно портили все, к чему прикасались.

– Тут такое дело, ведьмочка. Уметь любить это вовсе не значит полюбить. Я был, и есть, сильнее простых ангелов, и, как вы говорите, выше их по чину, и возможно поэтому умнее, – Азazelл засмеялся. – В общем, Создатель и другие ангелы нравились мне больше. И я не понимал, чем люди за-

служили такие блага, если они грешны и потворствуют своим слабостям.

– И ты устроил бунт, как Люцифер? – недоверчиво проговорила Анжела.

Азazelл как-то слишком легко признавался в своей нелюбви к людям.

Злодеи делают так лишь в кино.

К тому же он столь активно жестикулировал, что будь они даже в кино, из него бы вышел самый манерный в мире злодей.

– Фу, не смей сравнивать меня с ним, – возмутился Аз, бросив быстрый взгляд на Дэймона. – Он упал от гордыни. А я вообще-то не падал вовсе.

– Разве такое возможно? – вскинул брови Крис.

Он знал про Азazelла достаточно для того, чтобы не иметь желания повторять его поступки, но подробности им не рассказывали, да они особо его и не интересовали. Несогласие – уже и этого хватило для светлого ангела, бесконечно преданного небесам, каким он был еще совсем недавно.

– А почему бы и да? – щелкнул пальцами Аз. – Но если говорить по порядку, то сначала было так. Я и еще пара ангелов, согласных с моей точкой зрения, были наделены плотью, человеческими эмоциями и спущены на землю для перевоспитания. Так Создатель решил показать нам, что мы не правы.

– Но почему он просто не изгнал вас за ваше непокор-

ство? – продолжала удивляться Анжела.

В ее понимании за проступки должны были наказывать.

– Ведьмочка, какое непокорство? – закатил глаза Аз. – Почему все считают, что я падший? Мы выразили лишь недоумение. НЕДОУМЕНИЕ! Мы не шли против Его воли! Я все еще искренне люблю Отца, но это не означало, и не означает, отсутствие у меня собственного мнения. В общем, в итоге я оказался на земле, чувствующий все, как человек, да и в целом уже гораздо меньше похожий на ангела. Те, кто был вместе со мной, сразу же переобулись, изменив мнение, и благополучно вернулись на небеса. Но я остался непреклонен.

– И за это тебя изгнали? – вновь спросил Крис.

– Сколько можно повторять? Меня НЕ ИЗГОНЯЛИ! – по слогам произнес уже начавший кипятиться Аз. – Да, я больше не ангел, я перестал быть им в полной мере, едва ступил на землю. Но при этом и падшим я не стал. Я уникален. Неповторим. Так мне продолжать, или вы так и будете вставлять свои дурацкие комментарии?

– Продолжай, – улыбнулся Дэймон.

– Спасибо уж, – фыркнул Аз. – В общем, мнения я не изменил, и чтобы доказать Отцу свою правоту, я предложил людям оружие, которое они с радостью приняли! Но даже это не заставило Отца принять мою сторону. Зато он разозлился на меня. «Ты ангел и наоборот должен понимать больше, но ты ведешь себя, как ребенок, поэтому иди-ка в угол».

Азазелл недовольно затрепетал ноздрями. Было видно, что ситуация до сих пор его задевает.

– Люди сами должны менять дарованный им мир, а оружие было слишком мощным толчком, – развел руками Дэймон.

– И это говорит тот, кто пошел против Его воли ради человека, – возмутился Аз. – Твои поступки еще менее рациональны, чем мои, Ал. Хотя, наверное, если бы я ограничился оружием, думаю, до заточения бы дело не дошло. Куда больше Отца смутило то, что я, по его мнению, сам поддался греху.

– А ты не поддавался? – изогнула бровь Анжела.

Азазелл рассказал уже довольно много, но понятней ничего не стало. Суть терялась за его манерным тоном, активной жестикуляцией, напыщенным возмущением и привычкой растягивать слова.

– Ни в коем разе, – замотал головой Аз. – Я лишь выводил наружу грехи людей.

– Особенно девушек? – неожиданно вмешался Самаэль.

Слышать его голос, окрашенный эмоциями, было все еще непривычно. Равно как и понять, что именно он вкладывает в свои слова – переполненный чувствами сверх меры, он пытался выразить их все, одновременно.

– Земные девушки прекрасны, не стану этого отрицать. Но почти все они подвержены греху. Правда, даже это не убедило Отца. Он сказал, что я сам совращал их, а уж мой дар

косметики. . . короче, меня попросили вернуться обратно, заметив, что земля в общем, и людские чувства в частности, слишком портят мою светлую суть.

– И что сделал ты? – спросил Дэймон, уже догадываясь.

Чувства ангела неизменно склонялись в сторону света, падшего – в сторону тьмы, и только человек сам решал, куда ему повернуть. А ангел, способный чувствовать весь спектр эмоций, не скатываясь во мрак, не цenia свет, но при этом по-прежнему зависимый от них. . . да уж, Азазелл действительно был уникален.

– Конечно, я отказался. Не скрою, людские чувства мне нравятся, но, разумеется, это не главное. Ведь это было бы просто несправедливо, лишить меня шанса отстоять свою точку зрения! Понятное дело, я не хотел возвращаться домой ни с чем, и чтобы у них не было возможности привести меня на небеса раньше срока, я отрезал себе крылья. К тому времени Отец уже был зол на меня за оружие, и потому запер в пустыне, чтобы я отстал от дочерей человеческих и прекратил предаваться разврату.

– Отрезал крылья? – охнул Крис.

– Я думал это все выдумки, – покачал головой не менее впечатленный Дэймон. – А ты реально сделал это?

– Шрамы видно даже в этом теле. Впрочем, шрамы лишь украшают мужчину, верно? – фыркнул Аз.

И не дожидаясь других вопросов, он стянул с себя жилетку, а после, развернувшись спиной к остальным, задрал ру-

башку.

Анжела тихо выдохнула. На спине бывшего ангела красовались два огромных рубца, приходящихся прямо на лопатки, и в пляшущем свете от костра выглядели они весьма жутко.

– И что это изменило? – встрепенулся Самаэль.

– Крылья поводок для ангела. Особенно для падшего. Без них я стал свободен, – оперев о ладонь подбородок, ответил Азazelл.

Анжела не успела заметить, когда он оделся.

– Меня больше волнует то, как ты смог сделать это, – вскинул брови Крис. – Люцифер сжег свои перья, но даже сожженные, они остались за его спиной. Крылья не материя. Это связь с небесами, оборвать которую можно лишь став демоном.

– Да, так оно и есть для всех прочих. Но в тот момент я, посланный на землю, дабы лучше понять чувства и поступки людей, был похож на них несколько больше, чем следовало. А у людей нет крыльев. И поэтому я смог отрезать свои. А еще потому, что я, напомню, и без того сильнее многих, – пояснил Азazelл.

– Давай подытожим. Ты посчитал людей слишком грешными для земли, и выразил свои сомнения Создателю. Поэтому Он отправил тебя вниз, наделив людскими эмоциями, чтобы ты понял, каково им. А вместо того, чтобы признать свою неправоту, ты стал предаваться разврату с челове-

скими девушками и погряз в земных грехах так, что не захотел обратно, и даже отрезал себе крылья. И за все это тебя заперли в пустыне в качестве наказания, а едва не начавшийся Конец Света отпер твою клетку, позволив выйти по амнистии. Верно? – скрестив на груди руки, проговорил Крис.

Даже став падшим, он не желал, чтобы при нем оправдывали собственные грехи, прикрываясь чужими.

– Я не предавался разврату, а лишь хотел доказать Отцу свою правоту, – оскорблено проговорил Аз. – Но суть ты уловил верно. Теперь ваша очередь.

– Я начну, – вызвался Дэймон.

А после подробно изложил все события, начиная от появления Люцифера на пороге дома Анжелы, и заканчивая своим превращением во Всадника Апокалипсиса.

Азazelл слушал все это крайне внимательно, на время забыв о своей привычке к активной жестикуляции. Наоборот, казалось, он даже моргать перестал.

Потом пришел черед Криса, который изложил версию событий со своей стороны, не умолчав и о том, как он стал Падшим.

– Это показалось мне оптимальным решением, – закончил Таннер, виновато глянув на Самаэля.

– Ну да, – хихикнул Аз, вновь возвращая лицу подвижность. – Вернуть самому могущественному ангелу Смерти его чувства... что может быть более оптимальным для спасения человечества.

– Вряд ли бы Крис смог найти другой выход, – растрепав рукой волосы, протянул Самаэль. – Ведь не факт, что смерть Анжелы остановила бы Конец Света. А вот Дэймон после такого мог натворить немало бед.

И вновь голос его выражал слишком много эмоций разом – и вину, и сомнения, и симпатию. Все это было крайне непривычно.

– Ну да, ну да. Аластэйр доволен, а вот ты пострадал, – поцокал языком Аз. – Что ж, Сэмми, твой рассказ я уже слышал, выходит, сейчас очередь ведьмочки.

Хотя теперь Азазелл внушал девушке чуть больше доверия (по крайней мере он не собирался уничтожать этот мир), ей все равно не слишком хотелось признаваться ему в своей глупости, поэтому рассказ вышел сухим и коротким.

Но бывший ангел не стал смеяться.

– Ты продержалась долго, – уважительно сказал он. – Люцифер... он вливает в уши отравленный мед, а его умение убеждать в собственной правоте поражает. Человеку невозможно устоять перед ним. А будь у ангелов столько же чувств, сколько есть у людей, то все небо упало бы вслед за ним. Он великий обманщик.

В голосе Аза звучали нотки восхищения. И, в отличие от Дэймона с Крисом, никакого презрения, или ужаса.

– Ты так говоришь о нем, словно он тебе нравится, – протянула девушка.

Похвалой ей он прибавил себе еще несколько очков.

– Нет, не нравится. Но он силен и этого нельзя отрицать, – пожал плечами Азазелл. – А я уважаю силу. Люцифер категорически неправ в своих мотивах, но его мастерство не вызывает сомнений. А вот чтобы нравиться... нравится мне твоя подруга. Может, все же дашь ее телефон?

И Аз подмигнул, возвращаясь к образу манерного ловеласа.

– Нет уж, – фыркнула Анжела, невольно улыбаясь. – Никогда без ее разрешения!

– Ну, уверен, что я ей понравился, – он самодовольно вскинул подбородок. – Иначе у нее просто нет вкуса.

Некоторое время девушка и бывший ангел препирались, потом Аза отвлек Дэймон, а Анжела повернулась к Крису.

Им предстоял долгий разговор.

Глава 6

– Как ты? – спросила девушка первое, что пришло ей в голову.

– Как падший, – пожал плечами Таннер. – Неуправляемый тип с боязнью выпустить собственные крылья и тьмой внутри, которая вот-вот сведет меня с ума.

На губах его появилась горькая усмешка, сделав Криса чрезвычайно похожим на Дэймона, но все же они были очень разными.

Как сказал Аз, падение Дэймона было очевидно всем, у кого есть хоть капля мозгов, и отчасти это было правдой, ведь Хэвенли всегда отличался своеволием, слишком чрезмерным для ангела. И только это позволяло ему держать себя под контролем, ведь внутри него всегда жила искра свободы, доступной только людям. Крис же все время своего существования был покорен воле небес, и потому падение далось ему слишком тяжело. Нет, он не сомневался в своем решении, вот только... сложно справиться с тьмой, когда прежде ты до сих пор стремишься к свету.

– Да... прости меня, – Анжела не знала, что сказать.

Она действительно чувствовала себя очень виноватой.

– Тебе не за что извиняться, все это лишь мой выбор. Мой, и никто иной не смог бы повлиять на него.

– Но ведь не будь меня...

– Но ты есть, – Крис взял ее за руку. – И ты лучшее, что у меня было. Знай, во всем случившемся нет ни капли твоей вины. Я рад, что мы были знакомы. И я не хотел бы менять ни минуту этого знакомства.

До падения Крис презирал Дэймона за слабость. Ведь тот не смог оставить Анжелу, хотя его присутствие было для нее угрозой. Но сейчас Крис его понимал.

Анжела... она была словно лучик света в мире мрачных эмоций, накрывавших его с головой. И только держась за ее светлый образ, он оставался на плаву.

– Почему твои слова звучат так, будто мы больше не увидимся? – Анжела опустила глаза.

Что бы там ни говорил Крис, но если б не она... все точно было бы иначе. И если, расставаясь с ним, еще не зная, что он ангел, девушка чувствовала лишь легкость и уверенность в своей правоте, то сейчас...

Он больше никогда и никого не сможет полюбить. Он любит ее.

У него больше нет семьи, и дорога домой закрыта для него. Ведь он спас ее.

Спас, лишив надежды на спасение самого себя, отказавшись от всего того, что было ему дорого ради сомнительного счастья той, кто никогда не сможет ответить ему взаимностью.

– Потому что я не могу остаться, – Кристиан покачал го-

ловой. – С каждым днем я становлюсь хуже, чем был, и я не хочу отравлять твою душу своим присутствием. С тебя хватит и одного падшего.

Крис решил это, еще будучи ангелом.

Еще когда понял, что ему придется упасть ради жизни Анжелы, он пообещал сам себе, что найдет силы оставить ее.

Он уже поговорил со своими земными родителями.

Конечно, Крис мог просто исчезнуть, но тьма не вступает в свои права так быстро, а ангел никогда бы не поступил столь жестоко. Поэтому он намекнул Таннерам, что хотел бы уехать, причем в ближайшее время, и те, хоть и удивились, но все же обещали найти решение.

«Вот теперь ты похож на настоящего бунтующего подростка. А мы-то думали, что усыновили инопланетянина», – даже рассмеялся мистер Таннер.

– Нет, Крис. Ты не можешь... не должен... что скажут твои родители? – Анжела прикусила губу. – И как же я буду без тебя?

Это было эгоистично с ее стороны – пытаться его удержать. Но она ничего не смогла с собой поделать – слова вырвались помимо ее воли.

Она столько лет знала Криса, что он стал ей родным. И хотя в последнее время отношения между ними были напряжены, она все равно не хотела терять его вот так.

– Я больше не твой Хранитель, Анжи, – вновь усмехнулся Крис. – Вскоре они наверняка найдут тебе нового, а я больше

не гожусь на эту роль.

– Тогда я откажусь. Мне не нужен другой Хранитель.

– Черт, Анжела, прекрати, – стиснул зубы Крис. – Я уже все решил и пришел увидеть тебя в последний раз, так что давай не будем спорить. А у тебя есть Дэймон.

Да, он решил, и сделать задуманное надо было как можно скорее. И без того бороться с собственным эгоизмом ему становилось труднее с каждым днем. А если темные чувства захлестнут его немного больше – он точно никуда не уедет, оставшись мучить и себя, и Анжелу.

Да, прежде Крис презирал Дэймона за слабость. За то, что тот пришел к Анжеле после падения и оставался с ней рядом, при этом осознавая всю опасность такого решения. Однако еще больше он ненавидел Хэвенли за то, что Анжела была с ним, даже не понимая, что девушка ушла НЕ К ДЭЙМОНУ. Она ушла ОТ НЕГО, от Криса.

Сейчас же, ощутив на себе всю полноту тьмы падения, Крис осознал и силу Дэймона. То, как он боролся со своими пороками определенно заслуживало уважения, ведь и в этом Крис оказался хуже него. Второй... везде второй.

Впрочем, от этого осознания, Крис стал ненавидеть Дэймона лишь еще больше, чем прежде.

– Ладно, я уважаю твои решения, – вздохнув, проговорила Анжела. – Но останься хотя бы еще ненадолго. Хотя бы пока не прояснится ситуация с Самаэлем.

Девушка надеялась, что если Крис увидит, что справляет-

ся с собой вполне успешно, то передумает.

А то, что он справится, Анжела не сомневалась. Храбрости и характера Крису было не занимать.

Прием подействовал – Таннер задумался.

Самаэль не был такой проблемой, какой был Люцифер, но все же бросать без внимания его не стоило. Его вид просто кричал о том, что он не справляется. И, наверно, Анжела была права – уходить сейчас, оставляя все это, было не слишком благоразумно. Вдруг Самаэль сорвется и наделает глупостей?

Крис не знал, что у ангела Смерти в голове, не знал, какие у него планы. Он был занят своими новыми чувствами и борьбой с ними, чтобы думать о чем-то ином.

Даже сейчас, размышляя, стоит ли оставаться, его больше волновали не проблемы Самаэля и его самоконтроля, а то, что это отличный повод быть рядом с Анжелой без зазрения совести.

– Возможно, ты права, – наконец ответил Крис, уговорив себя, что так девушке будет безопасней. – Мне стоит остаться, пока Самаэль полностью не научится контролировать свои чувства. Все же он первый ангел Смерти.

– Спасибо, – просияла Анжела.

Так она хотя бы будет уверена, что с ним все в порядке. Оставаясь ее Хранителем, он не мог уйти от нее, а став падшим, не должен был уходить.

– Не стоит меня благодарить, – тряхнул волосами Крис. –

Ведь это может плохо кончиться в любой момент. Впрочем, если я почувствую, что начинаю терять контроль, я исчезну без предупреждения.

– Я знаю, ты справишься, – серьезно ответила девушка. – И тебе вовсе не обязательно избегать меня. Дэймон говорит, что я помогаю ему. Может я могла бы помочь и тебе?

На секунду Крис представил себя на месте Дэймона. Вот он вновь обнимает Анжелу, вот целует ее. Это бы растопило его сердце, вернув ему веру в свет, вот только... он ведь уже никогда не окажется на его месте.

Темная волна ненависти и зависти к проклятому Хэвенли поднялась со дна души, затопив сознание. Зрачки сузились, Таннер крепко сжал кулаки.

– Крис? – голос Анжелы привел его в чувство, и он ухватился за него, как за спасательный якорь.

– Все в порядке. Не думаю, что теперь ты сможешь мне, – Кристиан произнес это в полной тишине.

Остальные глядели прямо на него – Дэймон сжал губы, готовый вмешаться в любую секунду, Самаэль растерянно лохматил волосы, Азazelл закатил глаза.

Конечно, ведь они какие-никакие, но ангелы, а значит, вспышка тьмы не прошла мимо них.

– Анжела, – Дэймон мягко взял девушку под локоть, – думаю тебе лучше пока оставить Криса в покое.

Его голос был полон одновременно неприязни и понимания.

– Но мы не договорили, – возмутилась девушка.

Конечно, и она заметила, как на Криса душевной волной навалилась тьма – такое бывало и с Дэймоном. Но еще она видела, как он загнал ее обратно, и, как и в случае с Дэймоном, она в этом не сомневалась.

– Все в порядке. Он прав, – повторил Крис, и добавил, заметив взгляд девушки. – Я обещаю, что пока никуда не уеду, но насчет остального... посмотрим.

– Хорошо, – Анжела удовлетворенно кивнула и обернулась к Дэймону. – Видишь, все в порядке.

– Да уж вижу, – проворчал Хэвенли, борясь с желанием схватить ее и убежать подальше, спрятав ото всех опасностей.

– Думаю, мне пора, – поднялся Крис и, сдаваясь под напором Анжелы, добавил. – Увидимся в школе.

– Отлично, – кивнула девушка. – И ты можешь заходить в гости в любое время.

Крис усмехнулся, но промолчал. Спустя несколько секунд он скрылся в наступивших сумерках.

– Как это печально, – проговорил Самаэль, глядя ему в след. – Теперь у него нет ни выхода, ни пути назад... ничего. Рано, или поздно он станет демоном.

– Он справится, – упрямо повторила Анжела.

– После падения ангелы меняются лишь в худшую сторону, – покачал головой Самаэль. – И это так же необратимо, как и стать Смертью. У Дэймона еще есть шанс, ведь он Пер-

вый, а вот Кристиан... Кристиан был слишком верен небесам, чтобы сейчас удержаться от тьмы. К тому же его любовь невзаимная, а с таким падают еще быстрее. Мне жаль его, он был хорошим парнем.

– Не говори так, будто его уже нет, – вспыхнула Анжела, даже удивившись своей дерзости.

Как бы жалко не выглядел сейчас Самаэль, он оставался самым могущественным ангелом Смерти.

– Сэмми прав, ведьмочка, – растягивая слова, произнес молчавший до этого Азazelл. – И тебе стоит с этим смириться.

– Вы совсем его не знаете! – Анжела вскочила, опрокинув складной стульчик, и рассерженно зашагала прочь от костра.

Что бы там они ни говорили, Крис не поддастся тьме. Она ему этого не позволит! Из-за нее он упал, и она должна найти способ все исправить! Даже если для этого ей придется поговорить с самим Создателем.

О том, что Дэймон так же упал ради нее, она как-то не подумала. Хэвенли, которого она знала, всегда был падшим, и успешно с этим справлялся, и она не представляла его в роли светлого ангела, а вот Крис... его она наоборот знала лишь ангелом. Серьезным, спокойным, рассудительным. И на все готовым ради нее.

Анжела вдохнула глубже, успокаиваясь, и сжала в ладони медальон, что тут же согрел ее руку теплом.

Все будет хорошо. Главное она все же успела поговорить

с Крисом, прежде чем он решился исчезнуть, и сейчас ей, наконец, стоит перестать жалеть мертвых, и начать думать о живых. Может Самаэль, или Аз знают что-то?

Или Дэймон, ведь за последнее время они с Крисом прошерстили столько книг.

Выход есть всегда.

Девушка вернулась к костру как раз вовремя – Дэймон уже хотел идти за ней.

Точнее, он хотел сделать это сразу, но ему пришлось остаться – Самаэль расстроился, едва удержав контроль над своими барьерами.

– Вот это да, братец, – присвистнул Азazelл. – Тебе стоит сохранять спокойствие, иначе ты распугаешь целый штат.

– Да, но, как это возможно, если ты умеешь чувствовать? – растерялся Самаэль.

Действительно, все, что он делал последние дни – это пытался совладать со своими эмоциями.

Люди учатся этому годами, и то, им не всегда удается. А если ты столько времени провел без чувств, а потом вдруг резко их получил – трудно удержать себя в руках. Самаэль хотел слишком много одновременно. Но больше всего он желал отомстить за свою любовь, о которой так и не успел сказать той единственной душе, которую полюбил.

Пару раз, от лютой смеси отчаяния, гнева, боли и тоски, у него срывало барьеры, и наверно, ему стоило вернуться на небеса, пока он не натворил глупостей на земле, но делать

этого Самаэль категорически не хотел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.